

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-6-117-137

Р.А. Сетов, А.А. Голубенко

**АТОЛЛ БИКИНИ, НЕВАДА, МОСКВА.
ДОЛГИЙ ПУТЬ ВАШИНГТОНА К ДОГОВОРУ
ОБ ОГРАНИЧЕНИИ ЯДЕРНЫХ ИСПЫТАНИЙ
(1958–1963)**

R.A. Setov, A.A. Golubenko

**BIKINI ATOLL, NEVADA, MOSCOW.
WASHINGTON'S LONG ROAD
TO THE PARTIAL TEST BAN TREATY
(1958–1963)**

Аннотация. Заключение Московского договора 1963 г. об ограничении испытаний ядерных устройств в трех средах (на поверхности и в атмосфере Земли, а также под водой) — важная веха в истории холодной войны. Этому предшествовали длительные и сложные переговоры между СССР и США. Меры по введению моратория на испытания (август

Сетов Роман Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
Setov Roman Aleksandrovich, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

setovroman@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8033-5569

Голубенко Анна Александровна, кандидат физико-математических наук, ассистент кафедры общей ядерной физики физического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Golubenko Anna Aleksandrovna, PhD Candidate in Physics and Mathematics, Assistant, Department of General Nuclear Physics, Faculty of Physics, Lomonosov Moscow State University

aa.golubenko@physics.msu.ru
ORCID: 0009-0005-8864-1375

Работа выполнена при поддержке Программы развития МГУ, проект № 23-Ш01-17 «Влияние гонки вооружений на мировую политику, научно-технический прогресс и экологию».

This work was done with the support of MSU Program of Development, Project No. 23-SCH01-17 “The Impact of the Arms Race on World Politics, Scientific and Technological Progress and Ecology”.

1958 г. — август 1961 г.) не приносили весомых результатов ни для сокращения их вредных экологических последствий, ни для снижения риска возникновения ядерного конфликта. К тому же вопрос о хотя бы частичном ограничении испытаний оказывался тесно связанным с политическими противоречиями супердержав — в частности, по вопросу о статусе Берлина. 9 сентября 1961 г. переговоры были остановлены. Осенью СССР провел большую серию взрывов, причем успехи в совершенствовании вооружений требовали новых натурных испытаний. Решение Москвы о выходе из моратория было продиктовано стремлением продемонстрировать оппонентам готовность к любому развитию ситуации. В 1962 г. события, развернувшиеся вокруг Кубы, привели не только к интенсификации испытаний обеими державами, но и к острейшему Карибскому кризису в октябре, когда вполне реальной была опасность применения ядерного оружия. Заключенный в августе 1963 г. договор стал одним из непосредственных итогов Карибского кризиса. Однако важно и то, что супердержавы пришли к подписанию Московского договора только после того, как их научно-технические достижения (включая, прежде всего, результаты ядерных испытаний) смогли обеспечить уверенное стратегическое сдерживание друг друга. Испытания ядерных устройств, проведенные обеими державами в 1961–1962 гг., позволили им оснастить боезарядами все виды носителей в рамках планировавшихся программ обновления стратегических arsenалов. В то же время Московский договор создавал основу для согласования позиций США и СССР в отношении нераспространения ядерного оружия на долгие годы вперед.

Ключевые слова: холодная война, Джон Кеннеди, Н.С. Хрущев, ядерные вооружения, контроль над вооружениями, подземные ядерные испытания.

Abstract. The conclusion of the 1963 Moscow Treaty banning nuclear weapon tests in the atmosphere, in outer space and under water is an important milestone in the history of the Cold War. It was preceded by long and complex negotiations between the USSR and the US. Measures to impose a moratorium on tests (August 1958 — August 1961) did not yield significant results either in reducing harmful environmental consequences or in reducing the risk of nuclear conflict. In addition, the issue of at least partial test ban was closely linked to the political contradictions between the superpowers, in particular, regarding the status of Berlin. On 9 September 1961, the negotiations were stopped. In the fall, the USSR conducted a large series of explosions, and advances in weapons development required new tests. Moscow's decision to withdraw from the moratorium was dictated by the desire to demonstrate to its opponents the readiness for any emergency. In 1962, the events around Cuba led not only to intensified testing by both powers, but also to the acute Cuban Missile Crisis in October, when the danger of using nuclear weapons became quite real. The August 1963 treaty was one of the immediate outcomes of the Cuban Missile Crisis. However, it is also important that the superpowers came to the signing of the Moscow Treaty only after their scientific and technological achievements (including, above all, the results of nuclear tests) had been able to ensure a confident strategic deterrence of each other. The tests of nuclear devices conducted

by both powers in 1961 and 1962 allowed them to equip all types of carriers with warheads as part of their planned programs to renew strategic nuclear arsenals. At the same time, the Moscow Treaty created a basis for harmonizing the positions of the US and the USSR with regard to nuclear nonproliferation for many years to come.

Keywords: Cold War, John F. Kennedy, N.S. Khrushchev, nuclear weapons, arms control, underground nuclear testing.

* * *

60 лет назад начал действовать Московский договор о запрете ядерных испытаний в атмосфере и космическом пространстве, на поверхности Земли и в водах Мирового океана. 5 августа 1963 г. он был подписан в Москве, а 24 сентября Сенат США проголосовал по его ратификации (80 «за», 19 «против»). Президиум Верховного Совета СССР ратифицировал Договор на следующий день. 10 октября церемонии обмена документами о ратификации прошли в столицах трех стран-депозитариев (в Москве, Вашингтоне и Лондоне) и Договор вступил в силу.

В современном мире ведущие ядерные державы не проводят натурных испытаний, поскольку в 1996 г. был подписан международный договор об их полном запрете (до сих пор не ратифицированный, правда, КНР, Израилем, Ираном и Соединенными Штатами). Однако долгое время, до изобретения методов электронного моделирования взрывов в середине 1970-х гг., как верно отмечал А.В. Фененко, проведение таких испытаний «было необходимо для развития ядерного оружейного комплекса. Они позволяли:

- подтвердить возможность создания ядерного взрывного устройства;
- изучить физические свойства ядерных взрывов;
- усовершенствовать структуру ядерных боезарядов;
- проверить степень боеготовности новых ядерных систем;
- получить представление о калибре и массе ядерных боезарядов;
- развить системы установки ядерных боезарядов на носители;
- исследовать воздействие побочных эффектов ядерного взрыва на гипотетический ход боевых действий»¹.

Московскому договору 1963 г. предшествовали длительные и сложные переговоры, а незадолго до его подписания, в октябре 1962 г., СССР и США прошли через острейший Карибский кризис, в ходе которого опасность применения ядерного оружия была вполне

¹ Фененко А. Ядерные испытания в системе стратегической стабильности // Международная жизнь. 2009. № 12. С. 70.

реальной. Как писал выдающийся физик и руководитель Комиссии США по атомной энергии Г. Сиборг, только после Карибского кризиса у президента Дж. Кеннеди и советского лидера Н.С. Хрущева появилось понимание общих интересов супердержав, и проблема с ограничением испытаний была быстро решена².

О причинах, приведших обе стороны к «московскому компромиссу», много размышляли и политологи, и дипломаты, и ученые-физики, участвовавшие в создании ядерного оружия. Однако сегодня есть необходимость снова обратиться к истории Договора. Главная причина, пожалуй, состоит в следующем. С одной стороны, и по сей день верны оценки того, что договор предстал перед всем миром как знаковое событие, зафиксировавшее поворот обеих супердержав к некоторой «разрядке напряженности» после Карибского кризиса. Как заметил Н. Верт, это было «первое формальное соглашение по контролю над вооружениями, заключенное “великими державами” и ставшее решающим этапом в их отношениях и установлении форм сосуществования»³. С другой стороны, имеющиеся в публикациях объяснения (включая и суждения современников) поведения главных соперников в холодной войне, на наш взгляд, далеко не полно отражают всю сложность глобального противоборства между Западом и Востоком в то время. Например, А.Ф. Добрынин, бывший с марта 1962 г. послом СССР в США, предлагал такую оценку. «Настойчивость президента Кеннеди в этом вопросе ... объяснялась его желанием через такое запрещение добиться также осуществления одной из главных целей своей внешней политики: скорейшего заключения многостороннего договора о нераспространении ядерного оружия»⁴. Заметим, что в это время аналитики американской разведки считали, что кроме Франции и КНР в мире есть еще 6 стран, обладающих материальными и финансовыми ресурсами для того, чтобы в течение 1960-х гг. создать ядерное оружие и, возможно, средства его доставки (Индия, Япония, Италия, Канада, Швеция и Западная Германия)⁵. Действительно, эта тема была для президента США весьма актуальной, ибо он полагал, что без ограничения ис-

² Cowen R.C. The Test Ban That Worked // Christian Science Monitor. March 24, 1982. — URL: <https://www.csmonitor.com/1982/0324/032403.html> (дата обращения 17.02. 2023).

³ Верт Н. История советского государства. 1900–1991 / Пер. с фр. 2-е изд. М., 1994 С. 425.

⁴ Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в США при шести президентах (1962–1986). М., 1996. С. 47.

⁵ National Intelligence Estimate NIE 4-63 LIKELIHOOD AND CONSEQUENCES OF A PROLIFERATION OF NUCLEAR WEAPONS SYSTEMS Washington, June 28, 1963. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v07/d301> (дата обращения 16.03. 2023).

питаний к 1970 г. в мире «вместо четырех ядерных держав будет 10, а к 1975-му — 15 или 20»⁶, и лично пытался препятствовать созданию ядерного оружия, например, в Израиле⁷. При этом, как указывал Г. Сиборг, «Кеннеди оставался непреклонным рыцарем холодной войны, но после того, как [Карибский] кризис привел его к грани ядерного холокоста, он стал привержен идее контроля над вооружениями более, чем любой другой президент из тех, что я знал»⁸.

Оценки мотивации СССР, которые предлагали многие зарубежные авторы, также не всегда полно отражали весь комплекс факторов, повлиявших на согласие Москвы подписать договор. Например, руководитель отдела госдепартамента США по связям с общественностью Т. Уанамэйкер в своей книге 1964 г. писал так: «Испытания ядерного оружия и стремление не отставать от США в гонке вооружений становились всё более затратными ... и отвлекающими те средства, которые были так нужны в других секторах советской экономики». Разрыв с КНР и Карибский кризис, показавший, как «опасно легко» можно дойти до грани ядерной войны, равно как и «осознание Хрущевым того, что единственной альтернативой мирному сосуществованию была бы обоюдная катастрофа», — все эти факторы, «несомненно, повлияли на решения СССР»⁹.

Советские физики-ядерщики, современники событий, придавали большое значение московскому соглашению. Известен эпизод с письмом ученых Н.С. Хрущеву относительно возможности весной 1963 г. достичь компромисса с США. В.Б. Адамский так излагал главную мысль: будущее соглашение «имеет хорошие шансы быть принятым западными державами и является вместе с тем приемлемым для нас». «Заключение соглашения о прекращении испытаний в атмосфере и космосе и ограничение испытаний под землей небольшой мощностью прекратило бы заражение атмосферы радиоактивными продуктами, затормозило бы гонку вооружений и, вероятно, предотвратило бы дальнейшее распространение атомного оружия среди стран, им не располагающих, и вместе с тем не помешало бы разработке способов мирного применения ядерных взрывов. Наличие

⁶ The Test Ban Treaty. — URL: <https://www.iaea.org/sites/default/files/publications/magazines/bulletin/bull15-4/15403500322.pdf> (дата обращения 05.02. 2023).

⁷ Cohen A., Burr W. How the Israelis Hoodwinked JFK on Going Nuclear. — URL: <https://foreignpolicy.com/2016/04/26/how-the-israelis-hoodwinked-jfk-on-going-nuclear-dimona-atoms-for-peace> (дата обращения 21.03. 2023).

⁸ Limited or Partial Test Ban Treaty. Atomic Heritage Foundation. — URL: <https://ahf.nuclearmuseum.org/ahf/history/limited-or-partial-test-ban-treaty-ltbtptbt/> (дата обращения 22.03. 2023)

⁹ Wanamaker T. American Foreign Policy Today. How It Is Made. How It Works. The Crucial Problems It Faces in Tomorrow's World. New York; London, 1964. P. 116.

соглашения по вопросу об испытаниях в воздухе и космосе создало бы благоприятный прецедент для решения более сложных международных проблем»¹⁰. В этих строках было заложено довольно точное предсказание векторов развития отношений СССР и США в сфере контроля над ядерными вооружениями.

Приведенные выше суждения можно и нужно дополнить описанием динамики позиций Кремля и Белого дома в сложившемся к 1963 г. общем контексте холодной войны. Хорошо известно, что проблема ограничения (если не полного запрета) ядерных испытаний возникла уже на начальном этапе развития ядерных программ США и СССР (1949–1954), а затем затронула интересы еще двух держав, вступивших в «ядерный клуб» в 1953–1960 гг. — Великобритании и Франции. До 1963 г. все страны, развивавшие свой ядерный потенциал, уже произвели большое количество взрывов — порой весьма впечатляющих, но еще не вполне изученных по эффектам и долгосрочным последствиям. За этот период число проведенных испытаний оценивается почти в шесть сотен (среди них 333 проведены США и 221 — СССР)¹¹. Подавляющая часть этих ядерных взрывов была проведена в атмосфере над поверхностью Земли либо в космосе, и только около 130 были подземными или осуществлены под водой. Наиболее насыщенным оказался 1962 год: четыре державы провели 133 испытания ядерных устройств, из которых 79 — в атмосфере.

В то же время к середине 1950-х гг. стало ясно и то, что проблема рисков от испытаний ядерного оружия волнует значительную часть социумов и «политического класса» как Запада, так и Востока. 2 апреля 1954 г. премьер-министр Индии Джавахарлал Неру призвал все страны прекратить испытания ядерных устройств, а Советский Союз весной 1955 г. внес инициативу о запрете испытаний в Комиссию ООН по разоружению. Проблему запрещения испытаний всё чаще стала озвучивать та часть международного научного сообщества, которая объединилась во Всемирном Совете мира и в Пагуошском движении ученых и общественных деятелей (создано летом 1957 г.). Уже 18–19 января 1955 г. в Вене прошла расширенная сессия Бюро Всемирного Совета мира (ВСМ) и было принято воззвание со следующими словами: «Мы требуем уничтожения во всех

¹⁰ *Адамский В.Б.* К истории Московского договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах. — URL: <https://military.wikireading.ru/37813> (дата обращения 15.01.2023).

¹¹ Угрожение ядра: страницы истории ядерного оружия и ядерной инфраструктуры СССР / И.А. Андрюшин, А.К. Чернышев, Ю. А. Юдин / Под ред. Р.И. Ильяева. Саров, 2003. С. 136.

странах запасов атомного оружия и немедленного прекращения его производства»¹².

9 июля 1955 г. в Лондоне был обнаружен «Манифест Рассела–Эйнштейна». Всемирно известный физик А. Эйнштейн и видный математик, философ, лауреат Нобелевской премии по литературе за 1950 г. лорд Б. Рассел призвали ученых из противоборствующих в холодной войне стран собраться вместе для того, чтобы оценить опасность для всего человечества, которую таит в себе оружие массового уничтожения. Текст содержал весьма трагичную оценку положения дел в условиях вероятности перерастания конфронтации в столкновение с применением ядерного оружия. «Мы авторитетно заявляем, что сейчас может быть изготовлена бомба в 2500 раз более мощная, чем та, которая уничтожила Хиросиму. <...> Можно опасаться, что в случае использования большого количества водородных бомб, последует всеобщая гибель — внезапная только для меньшинства, а для большинства — медленная и мучительная»¹³. Между тем атмосферные и подводные испытания для производства новых боезарядов продолжались. В период 1951–1958 гг. США, СССР и Великобритания провели в общей сложности свыше 200 испытаний разной мощности (166, 62 и 21 соответственно), преимущественно в атмосфере Земли, в их числе и наиболее значимые для развития ядерных потенциалов супердержав.

Например, в марте 1954 г. в рамках серии американских испытаний «Замок» (“Castle”) на атолле Бикини в Тихом океане был осуществлен взрыв устройства (“Bravo”), реальная мощность которого превзошла расчетную почти втрое, составив около 15 миллионов тонн (мегатонн, Мт) в тротиловом эквиваленте, и привела к значительному заражению окружающей среды¹⁴. СССР в это время стремился сократить отставание от главного соперника прежде всего за счет проведения испытаний с целью достичь максимальной мощности устройств и создания боезарядов для основных типов носителей (ракеты, авиация и подводные лодки).

На этом фоне переговорный процесс по вопросам запрещения или ограничения испытаний долгое время ничем не мог порадовать озабоченную мировую общественность. Довольно скоро выясни-

¹² Цит. по: Всемирное движение сторонников мира. Даты, события. М., 1987. С. 56.

¹³ Манифест Рассела–Эйнштейна 1955 г. — URL: <http://pugwash.ru/history/documents/333.html> (дата обращения 22.03. 2023).

¹⁴ US Nuclear Tests July 1945 Through September 1992. US Dept of Energy. National Nuclear Security Administration. Nevada Field Office. Las Vegas, Nevada. September 2015. — URL: https://www.atomicarchive.com/resources/documents/pdfs/DOE_NV-209_Rev16.pdf (дата обращения 15.02. 2023).

лось, что для СССР и США он превращается в мучительный поиск общей платформы, на которой могли бы «поместиться» проблемы ядерного сдерживания и достижения ядерной стабильности, сокращения вооружений и защиты окружающей среды, равно как и вопрос о нераспространении ядерного оружия. Ясно, что сочетать всё это в одном комплексе было непросто. Вплоть до конца 1962 г. казалось, что согласие, необходимое для заключения хоть какого-то обязывающего соглашения в этой области вряд ли достижимо. Супердержавы то соглашались на общую «увязку» ядерной проблематики с ограничением вооружений, то отказывались от нее. Вашингтон и Москва то признавали необходимость международного контроля за ядерными испытаниями, то высказывали мнение о том, что развитие самих технологий проведения взрывов (особенно под землей) делает вопрос о международном контроле неуместным. Многие зависело и от успехов самих испытаний.

Можно обозначить два рубежа в определении позиций сторон по проблеме ограничения испытаний. 12 июля 1956 г. состоялось выступление в ООН заместителя министра иностранных дел СССР А.А. Громыко, который на первое место в советских предложениях по разоружению поставил принятие великими державами обязательства не применять «атомное и водородное оружие». СССР также предлагал «заключить соглашение о запрещении оружия массового уничтожения, об уничтожении всех запасов атомных бомб и прекращении их производства, о немедленном прекращении всяких испытаний атомного и водородного оружия»¹⁵. Вторым знаковым событием было объявление 31 марта 1958 г. советского моратория на ядерные испытания. Начались встречи экспертов СССР, США и Великобритании, а затем Вашингтон предложил начать 31 октября 1958 г. официальные переговоры о прекращении ядерных испытаний. В заявлении от 22 августа 1958 г. говорилось, что одновременно с началом переговоров США войдут в мораторий на проведение ядерных взрывов. 30 августа 1958 г. Советский Союз дал согласие на участие в таких переговорах. Впрочем, за кулисами политико-дипломатической деятельности на международном уровне обе супердержавы продолжали свои программы испытаний¹⁶.

В январе 1959 г. США и Великобритания, как ранее и предлагал СССР, решили в переговорном процессе отделить вопрос о запрете

¹⁵ Подробнее см.: *Егорова Н.И.* «Народная дипломатия» ядерного века. Движение сторонников мира и проблема разоружения. 1955–1965 годы. М., 2016. С. 123–124.

¹⁶ Подробнее см.: *Стратегическое ядерное вооружение России / Колл. авторов под ред. П.Л. Подвига.* М., 1998. С. 393–398.

на испытания от остальных проблем, связанных с ограничением вооружений. Впрочем, недовольство таким шагом двух лидеров НАТО выразила Франция, в тот момент бывшая «на пороге» проведения испытания своего первого ядерного устройства. Тем не менее, летом 1959 г. как США, так и СССР подтвердили свое намерение придерживаться фактически существовавшего моратория на проведение испытаний. В заявлении от 26 августа США объявили, что мораторий будет продлен до конца 1959 г. В ответ на это Советский Союз заявил, что также приостановит свою программу испытаний. Переговоры о запрете испытаний при этом не продвинулись ни на шаг. Камнем преткновения стало то, что США и Великобритания настаивали на пункте об инспекциях на местах проведения испытаний в будущем соглашении, а СССР не считал возможным допуск на свою территорию групп наблюдателей (по словам Н.С. Хрущева, эти инспекции превратились бы в «прямой шпионаж»). 29 декабря 1959 г. США объявили о формальном прекращении моратория.

Впрочем, вслед за проведением Францией первого испытания ядерного устройства в феврале 1960 г. именно Соединенные Штаты выступили с важной инициативой — заключить договор о запрете на проведение испытаний в атмосфере и под водой, а также об ограничении мощности подземных взрывов. Для контроля за выполнением такого соглашения предполагалось установить 20 ежегодных международных инспекций. СССР ответил предложением запретить взрывы также и в ближнем космосе, но вновь не согласился с порядком и количеством инспекций, предлагая установить ежегодную квоту только в две-три. Вопрос о количестве и процедуре инспекций был отложен, как предполагалось, до четырехсторонней встречи на высшем уровне (США, СССР, Великобритания, Франция), которая открывалась в Париже 18 мая. Произшедший 1 мая 1960 г. инцидент с американским разведывательным самолетом U-2, сбитым над территорией СССР, послужил причиной того, что саммит был скандально сорван и переговорный процесс застрял на месте.

Новые ожидания и политиков, и мировой общественности относительно прогресса на переговорах по испытаниям были связаны с приходом к власти в январе 1961 г. президента Дж. Кеннеди. 21 марта 1961 г. консультации экспертов в Женеве возобновились, но явного успеха не принесли, а Берлинский кризис летом 1961 г. вообще отбросил переговорный процесс далеко назад. Ответом СССР на возрастание международной напряженности в связи с Берлином стали довольно резкие шаги в сфере развития ядерного вооружения. 30 августа 1961 г. СССР объявил о возобновлении ядерных

испытаний, а 9 сентября переговоры в Женеве были остановлены. Осенью СССР провел большую серию взрывов и весьма преуспел в развитии своих программ совершенствования вооружений, требовавших натуральных испытаний. Решение СССР о выходе из моратория и возобновлении испытаний (с повышенной интенсивностью, т.е. 59 взрывов менее чем за три месяца) было продиктовано стремлением продемонстрировать оппонентам готовность к любому развитию событий. Как вспоминал один из видных участников советского «атомного проекта», работавший в научном центре «Челябинск-70» (ныне г. Снежинск) физик Л.П. Феоктистов, главными причинами возобновления испытаний и особого внимания к взрывам сверхмощных термоядерных устройств были политические, а вовсе не научно-технические. По мнению советского руководства и особенно самого Н.С. Хрущева, настоятельно требовалась «демонстрация могущества социалистического строя», которая была дополнена надеждами на то, что «наше техническое превосходство сделает Америку более сговорчивой»¹⁷.

Самым впечатляющим моментом этого периода было испытание «Царь-бомбы». О готовящемся событии весь мир узнал из выступления Н.С. Хрущева 17 октября на открытии XXII съезда КПСС. Первый секретарь ЦК и глава правительства говорил о том, что у СССР есть «стомиллионная бомба» (т.е. мощностью в 100 мегатонн в тротиловом эквиваленте), но «взорвем, вероятно, 50-миллионную». Так и произошло: 30 октября на Новой Земле было испытано устройство мощностью в 58,6 Мт (созданный в научном центре «Арзамас-16» проект АН602). Для этого взрыва пришлось даже специально модернизировать бомбардировщик Ту-95В с тем, чтобы он смог доставить к месту взрыва это «изделие» весом в 26,5 тонн. «Супербомба» была испытана в атмосфере на высоте 4 км. Результатом была взрывная волна, которая три раза обогнула земной шар. В заброшенном поселке в 400 км от эпицентра взрыва были разрушены деревянные дома, а каменные строения лишились крыш, окон и дверей. На сотни километров вокруг прервалась радиосвязь. На месте самого взрыва возникло грибовидное облако с диаметром верхнего яруса в 95 км и высотой в 67 км. Вот как описывал увиденное участник этого испытания Ю. Лысенко: «В радиусе 50 километров от эпицентра все горело, хотя перед взрывом здесь лежал снег высотой в человеческий рост. Зрелище было ужасным. Если существует ад, то он должен выглядеть именно так. Земля горела, а скалы дымились, так как были

¹⁷ Феоктистов Л.П. Из прошлого — в будущее. От надежд на бомбу к надежному реактору (Воспоминания. Избранные статьи). Снежинск, 1998. С. 54–62.

раскалены еще и через несколько часов после взрыва»¹⁸. Советские физики дали очень точную оценку произошедшего. Участники подготовки испытания этого сверхмощного устройства В.Б. Адамский, Ю.Н. Смирнов, Ю.А. Трутнев отзывались о «Царь-бомбе» так: «В этом событии, как в фокусе, сошлись профессиональный азарт, политическая интрига, возможности государства, безумие ядерной гонки и пережитый миром шок»¹⁹.

Мероприятия США осенью 1961 г. было нетрудно предсказать: в них также сливались и военно-технические, и политико-пропагандистские задачи. Уже 15 сентября началась новая серия взрывов на полигоне в Неваде. На этом этапе, впрочем, стало более заметно, что и международное давление на супердержавы стало нарастать. 24 ноября 1961 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию № 1653 (XVI). «Декларация о запрещении применения ядерного и термоядерного оружия» не была обязывающим документом, но всё же в ней была выражена позиция множества неядерных стран. В ней говорилось, что «применение ядерного и термоядерного оружия противоречит духу, букве и целям ООН» и является прямым нарушением ее Устава²⁰. Отметим также, что в это время западные политические элиты стали несколько иначе оценивать эффективность гонки ядерных вооружений. Премьер-министр Великобритании Г. Макмиллан в письме Дж. Кеннеди по вопросу о единой позиции на переговорах с СССР (возобновлены 28 ноября) замечал, что само соревнование супердержав в области испытаний уже «стало бесплодным»²¹. В январе 1962 г. помощник президента по вопросам национальной безопасности М. Банди докладывал, что, по мнению президентского Научно-консультативного комитета (PSAC), Пентагона и Комиссии по атомной энергии, США могут спокойно отказаться от проведения испытаний в атмосфере, ибо «ядерный тупик» в соревновании с СССР близок и вряд ли будет преодолен даже

¹⁸ Если существует ад, то он должен выглядеть именно так. — URL: <https://www.gazeta.ru/army/2021/10/29/14149837.shtml?ysclid=lnho4g5syu695649779> (дата обращения 29.02.2023).

¹⁹ Адамский В.Б., Смирнов Ю.Н., Трутнев Ю.А. Сверхмощные ядерные взрывы СССР и США как проявление научно-технической и государственной политики в годы холодной войны. — URL: http://elib.biblioatom.ru/text/adamskiy-iz-pokoleniya-pobediteley_2008/go,150 (дата обращения 29.02.2023).

²⁰ Декларация о запрещении применения ядерного и термоядерного оружия. Принята резолюцией 1653 (XVI) Генеральной Ассамблеи от 24 ноября 1961 года. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/nuc_prohibition.shtml (дата обращения 12.02.2023).

²¹ Telegram From the Department of State to the Mission to the United Nations. Washington, January 18, 1962. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v07/d122> (дата обращения 14.02.2023).

после 1963 г.²² Неприятным для Дж. Кеннеди стал эпизод с письмом, которое отправил ему 1 марта 1962 г. видный ученый, лауреат Нобелевской премии по химии (1954) Лайнус Полинг по вопросу о возобновлении испытаний. Гневный вопрос Л. Полинга, обращенный к президенту, звучал так: «Собираетесь ли Вы отдать приказ, который станет причиной того, что Вы войдете в историю как один из самых аморальных людей всех времен и один из самых великих врагов человечества ... ради политической цели увеличения и так уже существующего решительного превосходства над СССР в сфере технологии ядерных вооружений?»²³. США в апреле 1962 г. всё же начали новую серию и подземных, и атмосферных испытаний²⁴, но Дж. Кеннеди снова выразил готовность заключить договор о запрете взрывов в трех средах. Еще более четко изменение позиций американских государственных деятелей было заметно во взглядах авторитетного политика Э. Стивенсона (тогда — представителя США в ООН). Стивенсон писал президенту, что при первой возможности стоит сделать предложение Советскому Союзу об ограничениях при проведении испытаний. «Если русские опять откажутся от установления системы международного наблюдения на местах [проведения взрывов], то мы должны быть готовы предложить им просто запрет на атмосферные испытания без международного контроля»²⁵.

Ситуация в мире в середине 1962 г., однако, развивалась так, что даже самым здравым идеям, которые время от времени выдвигали обе супердержавы в вопросе об ограничении гонки ядерных вооружений, не суждено было реализоваться. В августе 1962 г. Н.С. Хрущев выразил предварительное согласие на заключение договора о запрете испытаний в трех средах при продолжении консультаций по подземным испытаниям²⁶. Но переговоры в очередной раз зашли в тупик, ибо так и не было выработано взаимоприемлемое решение

²² Memorandum From the President's Special Assistant for National Security Affairs (Bundy) to President Kennedy. Washington, January 17, 1962. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v07/d123> (дата обращения 13.02.2023).

²³ Linus Pauling Letter to President Kennedy about nuclear weapons testing. — URL: <https://atomicinsights.com/linus-pauling-letter-to-president-kennedy-about-nuclear-weapons-testing/> (дата обращения 21.02.2023).

²⁴ Nuclear Test Ban Treaty. — URL: <https://www.jfklibrary.org/learn/about-jfk/jfk-in-history/nuclear-test-ban-treaty> (дата обращения 21.02.2023).

²⁵ Letter From the Permanent Representative to the United Nations (Stevenson) to President Kennedy. Washington, May 10, 1962. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v07/d181> (дата обращения 17.03.2023).

²⁶ Подробнее см.: *Смирнов Ю.Н., Темирбаев Р.М.* К истории заключения московского договора 1963 года о частичном запрете испытаний ядерных испытаний // *История советского атомного проекта. Документы. Воспоминания. Исследования* / Отв. ред. и сост. В.П. Визгин. Вып. 2. СПб., 2002. С. 295–332.

по вопросу об инспекциях. Позднее Дж. Кеннеди дал такую оценку переговорному процессу 1961–1962 гг.: «В эти годы и США, и СССР часто высказывали друг другу предостережения и подозрения, а надежду давали крайне редко. Представители наших стран встречались ... в Вашингтоне и в Москве, в Женеве и на площадке Объединенных Наций. Но эти встречи приносили только ... разногласия и разочарование»²⁷. Действительно, добиться успеха на переговорах не позволяло практически полное отсутствие доверия к заявлениям и обещаниям друг друга. Впрочем, стало понятным стремление американцев достичь на переговорах с СССР хотя бы закрепления той позиции, которую они считали для себя приемлемой. Речь идет о том, что уже летом 1962 г. руководство США окончательно пришло к идее достаточности запрещения взрывов в трех средах. Этот вариант возможного договора — как альтернатива маловероятному соглашению о запрете *всех видов* испытаний — была четко обозначена в инструкциях главе делегации США на переговорах в Женеве А. Дину²⁸.

27 августа 1962 г. США и Великобритания представили свои версии текстов эвентуального договора, но пока еще с учетом ограничения подземных испытаний и с пунктами о возможности международного контроля на местах. СССР по-прежнему стоял на позиции сокращения числа инспекций до минимума. А. Дин в начале октября 1962 г. так говорил об отсутствии прогресса в Женеве в течение почти целого года: «СССР либо собирается продолжать испытания, либо не готов принять ограничение испытаний по политическим причинам, которые не желает разглашать». В целом Дин был прав: СССР в это время и продолжал испытания, и вряд ли собирался объяснять связь своего отказа от ограничений с тайным размещением ракетно-ядерного оружия на Кубе (операция «Анадырь», июль–сентябрь).

События, развернувшиеся в октябре 1962 г. вокруг «острова Свободы», на время сделали женевский переговорный процесс вообще не актуальным. Заметим, однако, немаловажный факт: даже в самые напряженные дни Карибского кризиса СССР продолжал испытания на основных полигонах. Например, 22 октября на Новой Земле (полигон Сухой Нос, Д-2) было взорвано термоядерное устройство мощностью 8,2 Мт. На полигоне Сары-Шаган в рамках

²⁷ Radio and Television Address to the American People by President Kennedy on the Nuclear Test Ban Treaty July 26, 1963. — URL: <https://ratical.org/co-globalize/JFK072663.html> (дата обращения 02.03. 2023).

²⁸ Telegram From the Department of State to the Delegation to the Eighteen-Nation Disarmament Committee. Washington, August 3, 1962. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v07/d211> (дата обращения 24.03. 2023).

серии космических взрывов 22 и 28 октября были проведены испытания выносимых ракетами на высоты 290 и 150 км устройств «К-3» и «К-4» мощностью по 300 Кт. С 14 по 31 октября на Семипалатинском полигоне проводились воздушные (на высоте до 1,5 км) взрывы устройств малой мощности (1,2–10 Кт).

Урегулирование кризиса путем взаимных уступок привело Москву и Вашингтон к пониманию того, что пришла пора продемонстрировать не достижения в ядерных испытаниях, а обновленное взаимодействие. Так или иначе, но в дни кризиса обе супердержавы выглядели как источники реальной опасности глобальной ядерной катастрофы и теперь должны были показать всему миру свою решимость снизить угрозу войны. В начале 1963 г. стало ясно, что единственный способ для этого — договориться о частичном ограничении испытаний (в атмосфере, в космосе и под водой). Как отмечали деятели из Международной комиссии по атомной энергии, тогда «ограничение испытаний считали полезным психологическим инструментом... потому, что проблема радиоактивного загрязнения вызывала широкую обеспокоенность общественности, а тот факт, что были уже доступны технологии проведения подземных взрывов, значительно снижал взаимные жертвы, на которые пошли бы Соединенные Штаты и Советский Союз»²⁹. Правда, СССР сильно отставал от США по количеству именно подземных испытаний: с 1951 г. до августа 1963 г. США осуществили 116 таких взрывов, а СССР смог провести только два³⁰. С учетом возможного и близкого подписания договора о запрете «старых» видов испытаний СССР скорректировал свои планы, и в конце декабря 1962 г. на Семипалатинском полигоне была проведена серия взрывов сверхмалой мощности, предназначенных для изучения безопасности ядерного оружия. Тогда же и на Новой Земле было проведено 11 испытаний, в том числе и последний атмосферный взрыв (25 декабря).

Переговоры об ограничении ядерных испытаний возобновились в январе 1963 г. В это время Дж. Кеннеди писал Г. Макмиллану: «Мне нужно еще подумать над Вашей идеей увязки ограничения испытаний с вопросом о нераспространении, с тем чтобы договор стал более привлекательным для СССР. ... Мне не нравится связывать одну трудную проблему с другой так, что в итоге ни одна из них не бывает решена. Я склонен думать, что договор об ограничении ис-

²⁹ *Delcoigne G.C.* On the 10th anniversary of the signature of the Moscow Treaty. P. 14 // IAEA Bulletin. — URL: <https://www.iaea.org/sites/default/files/publications/magazines/bulletin/bull15-4/15403500322.pdf> (дата обращения 11.02. 2023).

³⁰ Ядерные испытания в СССР. Т. 2. Саров, 1997. С. 95–104.

пытаний должен либо выстоять, либо упасть в силу его собственных достоинств»³¹.

В течение весны 1963 г. в переписке Дж. Кеннеди и Н.С. Хрущева преодоление спора о международном контроле за ядерными испытаниями стало одним из главных сюжетов. Наконец, 8 мая было получено согласие Н.С. Хрущева на приезд в Москву представителей США и Великобритании³². В июне 1963 г. необходимость скорейшего подписания договора окончательно взяла верх над другими проблемами: подземные испытания были исключены из перечня подпадающих под запрет. Соответственно, отпала и проблема международных инспекций, коль скоро стороны посчитали, что взрывы под землей будет достаточно учитывать национальными средствами сейсмического наблюдения.

После своей известной речи в Американском университете 10 июня («Стратегия мира») Дж. Кеннеди отдал распоряжение о прекращении атмосферных взрывов, а Н.С. Хрущев в берлинском выступлении 2 июля сообщил о готовности СССР немедленно подписать договор об ограничении ядерных испытаний. 15 июля представители США во главе с А. Гарриманом сели в Москве за стол переговоров. 25 июля текст будущего соглашения был парафирован. 26 июля Дж. Кеннеди обратился к американскому народу по телевидению и радио, объясняя необходимость подписания и выгоды для США, содержащиеся в договоре. 5 августа 1963 г. в Москве госсекретарь Д. Раск подписал с Советским Союзом (представленным А.А. Громыко) и Великобританией (лорд А. Дуглас Хьюм) Договор о запрете испытаний ядерного оружия в космосе и атмосфере, на поверхности Земли и под водой. 17–25 августа в США Комиссия по атомной энергии и Научно-консультативный комитет при президенте подготовили доклад, на основе которого Дж. Кеннеди собирался убедить Сенат ратифицировать подписанный договор и одновременно обеспечить его поддержку со стороны американского общества.

Теперь можно представить общие суждения обо всем комплексе причин, которые привели США и СССР к заключению московского Договора, начав с факторов, которые одинаково сильно повлияли и на Москву, и на Вашингтон.

³¹ Message From President Kennedy to Prime Minister Macmillan. Washington, March 28, 1963. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v07/d269> (дата обращения 24.02. 2023).

³² Letter From Chairman Khrushchev to President Kennedy. Moscow, May 8, 1963. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v07/d285> (дата обращения 12.02. 2023).

Во-первых, можно считать, что в СССР понимание общемировой значимости Договора оказалось близким к позиции США. Дж. Кеннеди в телеобращении 26 июля четко обозначил те политические выгоды, которые видел Вашингтон. Первым моментом президент считал общую разрядку международной напряженности. Вторым — резкое сокращение опасностей для всего человечества, исходящих от радиоактивных осадков после атмосферных взрывов и образования большого количества радиоактивного трития, практически не существовавшего в природе до 1953 г. Прямо связанным с ограничением испытаний для Дж. Кеннеди выглядело существенное снижение рисков распространения ядерного оружия и в целом ограничение гонки ядерных вооружений³³. Было ясно, что московский Договор открывал перспективу совместных действий по нераспространению ядерного оружия; общую для супердержав выгоду в этом процессе хорошо понимали и в Вашингтоне, и в Москве. Как замечают редакторы американской серии документов внешней политики, «договор не имел большого практического влияния на развитие ...ядерных вооружений, но он создавал важный прецедент для будущего в контроле за вооружениями»³⁴. Безусловно прав был и советский специалист в области нераспространения В.Ф. Давыдов, считавший, что Договор «стал прологом к соглашению о контроле и ограничении гонки ядерного оружия в условиях ядерного равновесия между СССР и США»³⁵.

Во-вторых, стало окончательно ясно, что именно в области ядерных испытаний ни одна из сторон не может вырваться вперед настолько, чтобы обеспечить себе решающее превосходство. Дж. Кеннеди еще в ноябре 1962 г. дал распоряжение группам военных и научных специалистов доложить ему о военно-технологических достижениях США и СССР, прямо связанных с ядерными взрывами. 24 декабря представленный президенту меморандум (подготовленный с участием Г. Сиборга, главы Научно-консультативного комитета Дж. Визнера и аппарата СНБ) сводился к тезису о том, что последние серии проведенных супердержавами испытаний обладают «умеренным значением, но не имеют перспективы хоть как-то повлиять на существующий стратегический баланс». В этих условиях

³³ Radio and Television Address to the American People by President Kennedy on the Nuclear Test Ban Treaty July 26, 1963. — URL: <https://ratical.org/co-globalize/JFK072663.html> (дата обращения 12.02.2023).

³⁴ The Limited Test Ban Treaty, 1963. Milestones 1961–1968. Office of the Historian. Foreign Relations of the United States. — URL: <https://history.state.gov/milestones/1961-1968/limited-ban> (дата обращения 21.03.2023).

³⁵ Давыдов В.Ф. Нераспространение ядерного оружия и политика США. М., 1980. С. 32.

для Соединенных Штатов подписание Договора становилось разумным выбором.

В-третьих, серьезным фактором, определившим возможность заключения договора, было то, что реальные научные и военно-технические достижения США и СССР к этому времени оказались достаточными для обеспечения главных позиций каждой из супердержав в области ядерного сдерживания друг друга. В некоторых аспектах позиция США перед подписанием Договора была более выигрышная, поскольку в 1963 г. они сохраняли превосходство над СССР в количестве ядерных боезарядов и средств их доставки. Договор не противоречил программе развития стратегических ядерных сил администрации Дж. Кеннеди, которая опиралась на обновленную в 1961 г. концепцию ядерной войны («контрсилы»). Она, как замечал А.Г. Арбатов, «сводилась к значительному ускорению строительства подводных лодок «Поларис» и расширения программы развертывания МБР «Минитмен-1» — в общей сложности на 20% по количеству баллистических ракет»³⁶. При этом уже в дополнениях к бюджетам 1961 и 1962 финансовых годов количество запрограммированных подводных лодок выросло с 5 до 20. Программа «Минитмен» тогда же была увеличена с 50 до 600 ракет с заменой мобильного базирования на шахтные старты, а затем и дополнена средствами на строительство еще 200 единиц этого типа с целью доведения общего количества ракет шахтного базирования к концу десятилетия до 1200. К середине 1960-х гг. предполагалось доведение суммарного количества БРПЛ до 650 единиц на 41 подводной лодке и обновление боезарядов, которые несли 630 тяжелых бомбардировщиков «Б-52» и 80 средних «Б-58». Мощная программа развития ядерного арсенала была подкреплена испытаниями 1961–1962 гг. (серии «Нуга», «Солнечный луч», «Доминик» и «Древесная смола»). Как докладывал президенту министр обороны Р. Макнамара, именно эти успешные серии испытаний создавали необходимую основу для оснащения боезарядами новых модификаций ракет «Минитмен» и «Поларис»³⁷. В августе 1962 г. Г. Сиборг в своем докладе президенту особо подчеркивал, что серия взрывов «Доминик» привела к «значительному улучшению эффективности вооружений и показателя соотношения масса заряда / энерговыделение»³⁸.

³⁶ Арбатов А. Безопасность в ядерный век и политика Вашингтона. М., 1980. С. 26, 31.

³⁷ Letter From Secretary of Defense McNamara to President Kennedy Washington. October 31, 1961. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v07/d89> (дата обращения 19.03.2023).

³⁸ Editorial Note. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v07/d218> (дата обращения 12.03.2023).

Весной 1963 г. и для руководства СССР были очевидны все основания, по которым ограничение испытаний становилось разумным решением. Политические причины, основанные на расчете соотношения «риск/выгода» явно преобладали над научно-техническими, хотя именно научные достижения 1961–1962 гг. и дали возможность на первый план выдвинуть *политические*. Советский Союз ради скорейшего подписания договора шел на более серьезные уступки, ибо научно-техническая «цена вопроса» для Кремля была все-таки выше, чем для Белого дома, — хотя бы потому, что отставание от США в подземных испытаниях еще только предстояло преодолеть. Впрочем, в течение 1961–1962 гг. СССР смог провести атмосферные испытания, необходимые для производства моноблочных зарядов для тяжелых ракет, и 15 июля 1963 г. новые Р-16 были приняты на вооружение РВСН³⁹. В этом сегменте военно-технологического соперничества советским конструкторам удалось до минимума сократить разрыв в уровне научных разработок между СССР и США⁴⁰. Летом 1963 г. аналитики ЦРУ были недалеки от истины, полагая, что именно в течение 1961–1962 гг. СССР достиг «отличных показателей производительности» в проведении испытаний сверхмощных устройств, равно как и в устройствах с энерговыделением до 2 Мт. Разведка была уверена, что у СССР достаточные объемы производства плутония и урана-235, что позволит ему к 1965 г. оснастить все носители ядерного оружия боезарядами, серийно созданными на основе испытаний 1961–1962 гг.⁴¹

В итоге можно сказать, что научные наработки и достижения 1961–1962 гг. давали СССР возможность оснастить ядерными боезарядами имеющиеся носители и двигаться далее на основе проводимых только под землей (и весьма дорогостоящих) работ. Более того, уже в 1962 г. в научном центре «Арзамас-16» Ю.А. Трутнев и В.С. Лебедев предложили решение для создания боезаряда со сниженными габаритно-массовыми параметрами, но с достаточно мощным энерговыделением. Всё это создавало базу, на которой даже при отказе от «старых» видов испытаний предполагалось достичь в обозримой перспективе главного, а именно — военно-стратегического паритета с США по ракетным вооружениям наземного базирования.

³⁹ Всего к концу 1963 г. в готовности было 189 МБР (включая «старые» Р-7, Р-9 и совсем «свежие» Р-16).

⁴⁰ Грешилов А.А., Езупов Н.Д., Матушенко А.М. Ядерный щит. М., 2008. С. 283–284.

⁴¹ National Intelligence Estimate . NIE 11-2-63. Washington, July 2, 1963. THE SOVIET ATOMIC ENERGY PROGRAM. — URL: <https://history.state.gov/historical-documents/frus1961-63v07/d308> (дата обращения 22.03. 2023).

Переход только на подземные испытания не останавливал ни американскую, ни советскую программы ядерных испытаний и совершенствования вооружений. Во многом поэтому отношение к нему в мире не было однозначно позитивным. В СССР и политическое руководство, и общество считали его достижением на пути «разрядки напряженности» в отношениях с Западом. В США Договор был воспринят примерно в таком же ключе, хотя критики идей «разрядки» в лице части ученого сообщества (физик Э. Теллер, считавшийся «отцом» американской водородной бомбы, директор Института исследований внешней политики при университете штата Пенсильвания Р. Страус-Хюпе и др.) открыто выступали против дальнейших шагов в области контроля над вооружениями. Гибель президента Дж. Кеннеди в ноябре 1963 г. и приближение президентской избирательной кампании вызвало оживление полемики по вопросу о значении Договора и о возможных векторах развития отношений с СССР, включая и нераспространение ядерного оружия. Сенатор Б. Голдуотер, ультраправый политик, претендовавший на то, чтобы стать кандидатом от республиканцев на предстоящих выборах, в сентябре 1963 г. голосовал против ратификации Договора, называя его «иллюзией мира» с Востоком⁴².

Разногласия же внутри «социалистического Востока» по поводу итогов московских переговоров проявили себя на варшавской сессии Всемирного Совета мира (28 ноября — 2 декабря 1963 г.) Делегация КНР, в которую входило 4 члена ЦК КПК, заявила, что главной целью движения за мир является «бескомпромиссная борьба с американским империализмом». В этой связи она потребовала ни много, ни мало — решительного осуждения Договора, считая, что целью соглашения было закрепление ядерной монополии трех держав, чтобы «заправлять мировыми делами». Позицию представителей КНР тогда поддержали делегаты КНДР, Албании и председатель Комитета защиты мира ДРВ (Северный Вьетнам)⁴³. Видимо, за такой постановкой вопроса со стороны КНР, не присоединившейся в Договору, стояло стремление ускорить свою программу ядерного вооружения и на этой основе занять особое положение в мире — по меньшей мере, как примерно равновеликого Советскому Союзу центра «мирового коммунизма».

И всё же общие результаты компромисса были значительными. Московский Договор был для своего времени весьма важным эпи-

⁴² Anthony Lewis Special to the New York Times. — URL: <https://www.nytimes.com/1963/09/20/archives/goldwater-says-test-ban-creates-illusion-of-peace-tells-senate-he.html> (дата обращения 13.02. 2023).

⁴³ Егорова Н.И. Указ. соч. С. 250.

зодом во взаимодействии супердержав. Они стали тогда инициаторами создания нового международного режима, ибо, как справедливо замечает А.В. Фененко, до этого момента «неконтролируемые ядерные испытания усиливали угрозу непреднамеренного возникновения ядерного конфликта»⁴⁴. Следующей общей инициативой СССР и США стала поддержка резолюции Генассамблеи ООН против милитаризации космоса и принятие супердержавами на себя соответствующих обязательств. В октябре 1963 г. госдепартамент так разъяснял позицию США, уже согласованную с СССР: «В обозримом будущем выведение на орбиту ОМУ не даст ни одной из сторон военного преимущества, и обе стороны имеют общий интерес в том, чтобы избежать гонки подобных вооружений»⁴⁵. Последующие шаги в развитии советско-американского сотрудничества в деле «совместного управления» ядерной сферой в общемировом масштабе со всей очевидностью показали, насколько важен был прецедент московского соглашения. Такими шагами, которые создавали важнейшие международные режимы, действующие по сей день, стали «Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела» (январь 1967 г.) со статьей о запрете вывода ОМУ в открытый космос, а также Договор о нераспространении ядерного оружия (июль 1968 г.)

References

Adamskiy V.B. *K istorii Moskovskogo dogovora o zapreshchenii yadernykh ispytaniy v trekh sredakh* [On the History of the Moscow Treaty on the Ban of Nuclear Tests in Three Environments]. — URL: <https://military.wikireading.ru/37813>

Adamskiy V.B., Smirnov Yu.N., Trutnev Yu.A. *Sverkhmoshchnyye yadernyye vzryvy SSSR i SShA kak proyavleniye nauchno-tekhnicheskoy i gosudarstvennoy politiki v gody kholodnoy voyny* [Superpower Nuclear Explosions of the USSR and the USA as a Manifestation of Scientific and Technical and State Policies during the Cold War]. — URL: http://elib.biblioatom.ru/text/adamskiy-iz-pokoleniya-pobediteley_2008/p143/

Andryushin I.A., Chernyshev A.K., Yudin Yu.A. *Ukroshcheniye yadra: stranitsy istorii yadernogo oruzhiya i yadernoy infrastruktury SSSR* [Taming the Nucleus: Pages of the History of Nuclear Weapons and Nuclear Infrastructure of the USSR] / Ed. by R.I. P'kayev. Sarov: Krasnyy Oktyabr', 2003. 484 p.

Arbatov A.G. *Bezopasnost' v yadernyy vek i politika Washingtona* [Security in the Nuclear Age and Washington's Politics]. Moscow: Politizdat, 1980. 288 p.

⁴⁴ Фененко А.В. Современная международная безопасность. Ядерный фактор. М., 2013. С. 81.

⁴⁵ Circular Telegram From the Department of State to Certain Missions. Washington, October 15, 1963. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v07/d371> (дата обращения 17.03. 2023).

Cohen A., Burr W. *How the Israelis Hoodwinked JFK on Going Nuclear*. — URL: <https://foreignpolicy.com/2016/04/26/how-the-israelis-hoodwinked-jfk-on-going-nuclear-dimona-atoms-for-peace>

Cowen R.C. *The Test Ban That Worked* // Christian Science Monitor. March 24, 1982.

Davydov V.F. *Nerasprostraneniye yadernogo oruzhiya i politika SShA* [Nonproliferation of Nuclear Weapons and US Policy]. Moscow: Nauka, 1980. 279 p.

Delcoigne G.C. *On the 10th Anniversary of the Signature of the Moscow Treaty*. — URL: <https://www.iaea.org/sites/default/files/publications/magazines/bulletin/bull15-4/15403500322.pdf>

Fenenko A.V. *Sovremennaya mezhdunarodnaya bezopasnost'. Yadernyy factor* [Contemporary International Security. A Nuclear Factor]. Moscow: Aspekt Press, 2013. 573 p.

Fenenko A. *Yadernyye ispytaniya v sisteme strategicheskoy stabil'nosti* [Nuclear Testing in the System of Strategic Stability] // *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2009. N 12. P. 69–91.

Greshilov A.A., Yegupov N.D., Matushenko A.M. *Yadernyy shchit* [The Nuclear Shield]. Moscow: Logos, 2008. 424 p.

Smirnov Yu.N., Temirbayev R.M. *K istorii zaklyucheniya Moskovskogo dogovora 1963 goda o chastichnom zapreshchenii yadernykh ispytaniy* [On the History of the 1963 Moscow Treaty on the Partial Nuclear Test Ban] // *Istoriya sovetskogo atomnogo proyekta. Dokumenty. Vospominaniya. Issledovaniya* [The History of the Soviet Atomic Project. Documents. Memories. Studies] / Ed. and compiled by V.P. Vizgin. Issue 2. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo instituta, 2002. P. 295–332.

Strategicheskoye yadernoye vooruzheniye Rossii [Strategic Nuclear Armament of Russia] / Ed. by P.L. Podvig. Moscow: IzdAT, 1998. 492 p.

Vert N. *Istoriya sovetskogo gosudarstva* [A History of the Soviet State]. 1900–1991. Moscow: Progress-Akademiya, 1994. 480 p.

Vsemirnoye dvizheniye storonnikov mira. Daty, sobytiya [World Movement of Peace Supporters. Dates, Events]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1987. 366 p.

Wanamaker T. *American Foreign Policy Today. How It Is Made. How It Works. The Crucial Problems It Faces in Tomorrow's World*. New York; London: Bantam Books, 1964. 250 p.

Yadernyye ispytaniya v SSSR [Nuclear Testing in the USSR]. Vol. 2. Sarov: Izdatel'stvo RFYaTs-VNIIYaF, 1997. 248 p.

Yegorova N.I. *“Narodnaya diplomatiya” yadernogo veka. Dvizheniye storonnikov mira i problema razoruzheniya. 1955–1965 gody* [“Public Diplomacy” of the Nuclear Age. Movement of Peace Supporters and Disarmament. 1955–1965]. Moscow: Akvilon, 2016. 318 p.

Поступила в редакцию
6 мая 2023 г.